

ЛОГОВО АНТЕЛОЗ

**Влада
ЛАДНАЯ**

г. Реутов

У семейных саг не бывает начала.

Когда всё началось? Когда появился первый предок? А кто он? Питекантроп? Или динозавр? Или первая амёба? Или большой взрыв, породивший всё?

Но у семейного гнезда начало есть.

Деревянная дача под Выборгом была построена в начале двадцатого века.

Выборг – ниспровергатель шаблонов.

Он страдает перемежающейся лихорадкой: то соберётся с духом, выдаст старинную часовню или рынок в готическом стиле, – и тут же сдуется. Пойдут сплошные провинциальные, недавнего разлива, скучности. То вроде ещё поднатужится, огорошит древней башней. Но и это ненадолго, всё быстро кончается ничем, приевшейся современностью.

Артефакты здесь сверкают вызывающе и неуместно, как золотая фикса во рту уголовника.

Как будто Выборг так и не решил, быть ему памятником архитектуры или нет. И отважился на это только местами.

Вроде бы Рига, – но очень мелкая и эпизодическая.

Как бы за граница, – но с неистребимым нашенским, нижегородским акцентом.

Но на другой стороне залива – безмятежный и угрожающий, беспринципный и благородный, белоснежный, как ангел, и гранёный, как стакан алкаша, – шведский замок.

Он нагло и небрежно, словно от нечего делать, вторгается в человеческую жизнь.

Здесь витает дух менестрелей, сожжений ведьм, рыцарских турниров и баллад.

Камни булыжной мостовой обкатаны временем, как морская галька – морем. Взмах стен – ввысь, так стремителен, что, кажется, пространство начало искривляться, утягиваясь туда же. Подвалы и переходы, подворотни и перекрёстки – всё озорно, разухабисто, безапелляционно романтическое.

И оно в жестокой вражде с современной прагматичностью.

Так и качается городской маятник между вечностью и сиюминутностью.

Восток и Запад, Гиперборея и «Старшая Эд-

да», модерн и шаманизм, первобытность и цивилизация сошлись здесь то ли для странного, почти непристойного сожительства, то ли для последней битвы.

И семейное гнездо было всему этому под стать.

Избушка на курьих ножках, вросшая в английский замок. Лупоглазо круглое окно, резьба в виде загадочных скандинавских рун, готические окна в деревянных резных наличниках с русалками-бегинями. Русская бабья печь с геральдическими знаками на челе, но с сельским хватом для горшков в придачу. Жёсткие кресла с гербами, похожие на кафедру в католической часовне, – и цветастые, как девичий летний сарафан, занавесочки. Простенькая провинциальная веранда – и чудовищные горгульи по углам крыши.

Дом – химера.

Сооружение зловещее и нелепое до комичности.

И манящее, как сыр в мышеловке.

Или словно шифр – любителя загадок.

Вокруг сосны, папоротники, беспощадно колоссальные валуны, придающие месту привкус Стоунхенджа. Финский залив, вырезанный причудливо, как колючий моргенштерн, оружие ратников в шестнадцатом веке. Чайки кричат, словно кого-то заживо четвертуют.

Снегопады в мае. Оксюморонные белые ночи, как символ того, чего на свете вообще не может быть, как квадратных кругов.

Колдовской антураж.

Этот абсурдный дачный Эдем после войны достался знаменитому до революции профессору этнографии Воскресенскому, которого в начале пятидесятых, уже совсем старенького, расстреляли за принадлежность к тайному эзотерическому обществу.

Профессорский сын Сергей был героем Великой Отечественной. Но, наполучав наград, остался на войне ноги, сильно запил в мирное время и уже после пятьдесят третьего женился на простой девушке-работнице, сироте из детдома.

У них родились сын Аркадий (в честь Аркадии, страны райской невинности) и дочь Серафима.

Орденосец, в конце концов, замёрз по пьяни зимней ночью.

Дочь профессора – Виктория, актриса, замуж вышла за влиятельного чекиста, который отчаянно боролся с врагами народа и спас от конфискации имущество казнённого тестя. Виктория родила от супруга девочку Ариадну. А чекист в шестидесятых вдруг взял да и застрелился.

Поговаривали, вроде бы Виктория обнаружила, что муж лично уничтожил её отца.

А впрочем, может, всё это кумушки навывдумывали от скуки.

Вдовы и отпрыски жили, в общем-то, дружно.

Конец шестидесятых. Вместе с соседями накрывали по праздникам столы во дворе или на тёплой веранде, и профессорские серебряные вилки шумно братались с эмалированными тазиками, полными винегрета. Генеральский, из конфискованного, хрусталь с княжескими гербами звенел об алюминиевые кружки слесарей-инструментальщиков, а мейсенский фарфор, привезённый героем войны в качестве трофея, отмывали потом водой у уличной колонки.

Дети организовывали домашний кукольный театр, играли в шарады, читали друг другу вслух Гофмана, Конан Дойля, Майн Рида, Вальтера Скотта.

Знаменитый дед-этнограф когда-то ездил по всему миру. Скитался в Средней Азии с бродячими дервишами. Искал на Тибете Шамбалу. Изучал древние культы Индии, ритуалы шаманов Африки, заброшенные города майя.

В доме сохранилась потрясающая библиотека, посвящённая религиям и тайным обществам. Правда, находилась она за кухней, в кладовке, предназначенной для круп и солений.

В самых неподходящих местах по стенам развешаны были подлинные шедевры. Нагие грации – в кабинете с аскетичным интерьером: жёсткий арестантский стул и конторский стол с конторскими же запylёнными шкафами. Грации были столь разнузданы в своей древнегреческой страсти, что девочки-школьницы стыдились приводить домой подружек.

Гравюра «Четыре всадника Апокалипсиса», намекающая на близкий конец света и на тщетность всех земных желаний, почему-то мрачно пророчествовала в кухне, среди шкворчащей картошки и ароматных пирогов.

А дивная итальянская мадонна сияла напротив сортира.

В гостиной старообрядческий образ Спасителя осуждающе взирал на маски ламаистских чёрных мистерий, где, говорят, человеческие жертвоприношения были не редкостью.

А скульптуры Бенина и Ганы соседствовали с портретом Сталина.

Всё это месиво как бы приглашало выбирать себе идеи и принципы из гигантского мирового набора философских систем и религиозных упований.

И молодое поколение этим приглашением воспользовалось.

Аркадий связался с дурной компанией. Шастал по общагам, множил случайные связи с пэтэушницами, ввязывался в драки стенка на стенку.

И, в конце концов, сел за ограбление ларька. Взломал, поддавшись на «слабо», и взял одну пачку сигарет для доказательства. А умные люди после этого весь товар вывезли.

И вкатили парню по полной.

В семидесятые Аркадий вернулся сильно помученным, но его ум ужаснул близких паче глупости.

Раньше были, в общем-то, подростковые шалости, игры гормонов, относительно беззлобные.

А тут перед родственниками предстал циничный делец. Видно было, что на зоне мозги ему промыли проворовавшиеся торгоши. Всю жизнь за парня они распланировали.

Аркадий устроился мясником, окончил Плехановское, дорос до директора магазина. Что-то он всё время ловчил, проворачивал и шахер-махерствовал. Разбогател, купил кооперативную квартиру и построил настоящую шикарную виллу, женился по расчёту. Истошно старался соответствовать образу солидного буржуа.

Рационален стал до занудства. Основной принцип: ты – мне, я – тебе. С родственниками почти прервал общение, боялся, что кланчить будут какие-нибудь блага. К сёстрам приезжал раз в несколько лет. Бродил по дому, разглядывал произведения искусства, выбирал, что увезти к себе. А в свободное время норовил учить всех жизни.

Процесс шёл трудно.

Девчонки были из разряда вундеркиндов, а такие советов не слушают.

Серафима в четыре года сама освоила азбуку, просто однажды ребёнок вылез из-под стола и начал читать. Из школы девочка приносила одни пятёрки, а в десятом классе в числе сорока лучших выпускников Советского Союза ездила в ГДР. Легко поступила на физмат Ленинградского университета, а к двадцати пяти годам уже была доктором наук.

При этом вопреки своему христианскому имени, была воинствующей атеисткой, а также примерной комсомолкой, свято верящей в идеалы коммунизма.

Её мать, Евдокия, впитала эти принципы ещё в сталинское время в детдоме и передала дочери.

Сирота, чудом пережившая блокаду, Евдокия не получила образования, только ФЗУ за плеча-

ми. Растила она детей без мужа, рано погибшего, вечно пропадала на работе, вкалывала в две смены, чтобы детей прокормить, обувь-одеть. Саму сироту воспитывали с помощью палочной дисциплины, как новобранца в казарме, и детдомовской «дедовщины» хлебнула. Ласкать детей женщина просто не умела, ей не успели показать, как это делать. Она твердила: «Кто захочет выплыть – выплывет. Некогда мне с вами нянчиться. Учитесь сами».

Сын её педагогическую систему посрамил. Но Серафима выросла и умная, и добродетельная в самом строгом протестантском духе: волосы всегда были гладко зачёсаны, губы не знали помады, стиль одежды затюканной гувернантки в суровой купеческой семье. Сталинская бескомпромиссность и бескорыстие матери стали образцом для обожавшей её дочери.

Ариадна с пяти лет занималась в драматической студии, пела в хоре, училась в музыкальной и художественной школах, баловалась фигурным катанием. И тоже всё это осваивала сама, никто из взрослых не заставлял. Всюду педагоги различали в ней недюжинные способности и предрекали большой успех.

Но девушка, в конце концов, как её мать Виктория, стала актрисой.

И тоже опровергла своё языческое имя. Подсела на Толстого и Достоевского. Читала Евангелие. Превратилась в верующего человека, регулярно посещающего церковь.

Наверное, ещё и потому, что Ариадну растила бабка, свекровь Виктории, – простая деревенская женщина, добрейшей души человек, хорошо различающий благо и зло.

Вот этих девиц Аркадий и пытался перекрестить в свою бизнес-веру.

– Ну что за чушь этот спектакль «На круги своя» о Толстом вашем!

Коммунисты правы в одном: материальное превалирует над духовным. Кому нужны правдоискатели? Наживи капитал и радуйся жизни. А у Толстого деньги и так были, и вся его биография укладывается в одну фразу: «С жиру бесился».

– Какое духовное убожество! – ужасалась Ариадна. – По-твоему, человек – это желудок и кошелек на ножках?

– Ну зачем так плоско. Просто твоё обожаное искусство должно знать своё место. Предназначение бумагомазак и паяцев – развлекать обеспеченных людей, чтобы они не заскучали. И нищобродов, чтобы они не бунтовали.

– В девятнадцатом веке наши с тобой предки

были не просто нищebroдами, а крепостными рабами. И ты, «кухаркин сын», получил образование и сделал карьеру только благодаря тому, что в семнадцатом году презираемые тобой бедняки взбунтовались и дали возможность всем нам выбиться в люди. Даже наш дед-профессор был из поповичей, всего лишь сын полуголодного деревенского дьячка, – воспылала праведным гневом Серафима.

– Я против революций с их кровопролитием и уничтожением культурных ценностей, – неловко встряла Ариадна.

– Ну, ты ещё «зайт берайт – иммер берайт» вспомни, – хохотнул, обращаясь к Серафиме, Аркадий, вальяжно развалившийся в плетёном чеховском кресле. Вылитый Лопехин, лопавшийся от самодовольства. Только во лбу странная морщина в виде латинской «н». То ли злобный доктор Ноу, то ли благородный капитан Немо, то ли просто инвентарный номер на канцелярской папке с никому не нужными бумажками. – Смехотворная привычка молиться на религиозные и революционные (хрен редьки не слаще) символы свидетельствует о шизофрении тех, кто одержим подобными галлюцинациями.

– Высшие откровения не дано постичь приземлённой скудоумной особи, – заснобствовала Ариадна.

– Высшие откровения? Вы просто глупые девчонки, совершенно не знающие жизнь. Книжек начитались, а их писали избалованные бары, с которых усердные слуги весь век пылинки сдували. Или сбежавшие от мира отшельники, которые тоже ничего о жизни не ведали. И вот одни слепцы морочат голову другим, юным слепцам. Вся эта шатия способна воспитать только подобных себе барчуков с закидонами, решивших поиграть в народных печальников. Или готовых пациентов психушки, настолько не способных найти общий язык с людьми, что остаётся только бежать на необитаемый остров.

Все ваши проповеди гуманизма – один сплошной обман. Великая тысячелетняя ложь. И правители всех мастей аплодируют этому бреду, потому что идеи милосердия убирают из мира конкуренции легковёрных добреньких дурачков вроде вас надёжнее, чем контрольный выстрел киллера.

Христианские заповеди снижают выживаемость отдельных людей и целых наций. В природе никакого милосердия не существует. Там царит естественный отбор. Это когда все хилые и больные погибают, потому что хищники – санита-

ры леса – пожирают слабаков. И это мудро по отношению к виду, к большинству. Оно в массе остаётся здоровым и жизнеспособным.

А что в человеческом обществе? Мы даём возможность выживать всем убогим и хворым. А они ещё и размножаться норовят, плодят худое потомство, которое не может существовать без таблеток, уколов и медицинской помощи. В результате генофонд человечества замусорен до такой степени, что здоровых почти не осталось.

Знаете, что это значит?

Что из-за пошлой жалости к полудохлому меньшинству обречено на вымирание всё человечество. Очень гуманно, что инвалиды ваши камнем висят на шее полноценных членов общества и неизбежно утопят их в благодарность за доброту. Здоровые из любви к больным погибают.

Знаете, в горах, если один альпинист сорвался и утягивает всю связку товарищей, обречённый перерезает верёвку и летит в пропасть, чтобы остальные уцелели. Что-то не замечаю, чтобы ваши убогие поступали так же.

«Спасём больных»? – Да! А где же «спасём здоровых»? Почему большинство приносят в жертву меньшинству?

Идеи гуманизма, социализма с его умозрительной справедливостью ослабляют и развращают род людской. Граждане отвыкают работать. За них добренькие дяди и тётки и так всё делают.

– Только в этом с тобой согласна, – опять нектати встряла Ариадна. – Социализм проигрывает, потому что в нём счастье людям приносят на блюдечке. А это превращает народ в паразита.

– Не сбивай, – огрызнулся брат, которого раздражало в сёстрах всё, даже поддакивание. – Просто право на существование имеют только жизнеспособные особи. Ради блага всего человечества в целом!

– Ты инвалидов расстреливать, что ли, собрался? – невинно поинтересовалась Серафима.

– Зачем? Просто не лечить. Сами вымрут.

– Последний раз такую селекцию осуществляли фашисты. Те самые, против которых бился твой отец и обе ноги при этом потерял. А ты знаешь, что инвалиды отличаются повышенным интеллектом? Страдания открывают в нас новые возможности, – вспыхнула Серафима. – Именно больные – поставщики большинства гениальных изобретений, облегчающих жизнь человечеству. Именно убогие двигают прогресс. Безруким был Сервантес, эпилептиком Достоевский, сумасшедшим Врубель, карликом Тулуз-Лотрек.

Наверняка как раз инвалидами вскоре будут найдены универсальные препараты, которые полностью излечат все болезни, и род людской оздоровится. Так что больные возвращают обществу свои долги, – подытожила Серафима.

– Пока солнышко взойдёт, роса очи выест. Можем не успеть, не дожить до этого.

– Господь не даст пропасть, позаботится о нас. Но только если мы будем заботиться о беспомощных инвалидах. Бог никогда не даст погибнуть милосердным, – завела свою шарманку Ариадна.

– Хватит блажить, юродивая, – взорвался Аркадий. – История нас рассудит, – в сердцах гаркнул он под конец.

И история не замедлила с судом.

Внезапно выяснилось, что Евдокия, мать Аркадия и Серафимы, больна раком.

Аркадий мать безмерно любил. Она восемь лет ездила к нему на зону. Ходила в рванье, чтобы сыну посылочку собрать.

Он поместил женщину в клинику для партийных бонз, за валюту доставал безумно дорогие лекарства.

Но, как говорили врачи, болезнь обнаружили слишком поздно. Аркадий потратил целое состояние, но мать не спас.

– И деньги твои любимые не помогли, – припечатала Серафима. – Мать же хвора и убогая. Ты же говорил, таких лечить не надо. Зачем же её спасал, санитар леса?

Общение брата с сёстрами на этом практически прекратилось.

Но и сёстры почти не общались друг с другом. Серафима возненавидела Ариадну за её христианские проповеди. Атеистка, она назначила сестру ответственной за поступки её небесного патрона.

– После того, что Бог сотворил с моей матерью, думаешь, я стану его рабой? – шипела она от злости. – Моя мать в жизни не сделала никому дурного. В детстве несчастная пережила бесчеловечную блокаду, бомбёжки, голод, вся семья у ребёнка на глазах погибла. Мать в детском доме мыкалась, и тоже впроголодь. Она работала в две смены на вредном и опасном производстве с четырнадцати лет до самой смерти. Вышла замуж за безногого героя войны не по любви, а из жалости. Из чувства долга, как призывала советская пропаганда. Мать мужу нянькой стала, а он её бил смертным боем во время запоев, пропивал вещи, в том числе и наши, детские. А мать всё равно отца не бросила: он инвалид войны и один пропадёт.

Восемь лет моталась в тайгу, в лагерь к несправедливо осуждённому сыну. Мать в отпуск ни разу в жизни не ездила.

И за всё это такая смерть, даже не дали дожить до пенсии!

Да пропади оно пропадом, учение, которое Всевышнего, сотворившего это зверство, призывает любить!

Если Бог требует от нас милосердия, почему он сам не таков!

Он кладёт в основу своей системы страдание. Великий гуманист – не гуманен! Такая система порочна. Изуверство садистское! Он вас бьёт, а вы, дураки, за ним бежите и приговариваете: ещё! ещё!

– А атеизм рано или поздно приводит к вседозволенности. Люди могут совершить любое злодеяние, потому что чувствуют безнаказанность. Вера в Бога и моральные заповеди тесно связаны, это стена, защищающая нас от зла. Стоит выковырнуть один кирпич, который нам не по нраву, – и стена рухнет, погребая под собой человечество, – возразила Ариадна. Но сестра уже хлопнула дверью.

Наступили восьмидесятые. Серафима получила работу в Ленинграде, в блатной, как тогда говорили, конторе, где били баклуши племянница известной балерины, достававшая любые билеты в театр; жена священника из центрального прихода. Дама меняла шубы как перчатки, но зато вынуждена была каждый год рожать по ребёнку и ходила перманентно беременная: муж, в соответствии с религиозными требованиями, запрещал ей предохраняться. Шестеро детей медленно сводили женщину с ума. В соседнем отделе мелькала темнокожая невестка одного из лидеров дружественной компартии.

Из отличницы-первоклассницы Серафима превращалась в уверенную даму. Ездила на Домбай кататься на горных лыжах, занималась балльными танцами, верховой ездой. Ходила в пешие и конные походы на Кавказе и на Алтае. Спортивная, жилистая, предпочитала клетчатые пиджаки и пышные причёски и походжа была на американского менеджера среднего звена.

Прощай, совок.

Только неуклюжая походка птенца-подранка выдавала прежнюю комсомольскую активистку. Да ещё даже в самые счастливые моменты на губах девушки царил отчаянно горькая гримаса. Она у Серафимы видна была ещё на детских фотографиях, как будто уже в пятилетнем возрасте её терзало невыносимое отвращение к жизни.

Ариадна, твердившая в старших классах, что главное в человеке духовное совершенство, а внешний вид не важен, вылезла из самовязанных кривых свитеров, скинула пальто из уценёнки. И обернулась элегантною леди с очень простой стрижкой, которую поправляла каждые две недели известный визажист. Актриса носила асимметричные строгие и безумно дорогие платья, явно из загранки.

Молодая женщина моталась по премьерам и выставкам, даже ездила в Москву на ретроспективу творчества Ива Сен-Лорана. Побывала на неделе японского дизайна, открыла для себя гравюры Хиросигэ и Хокусая, впечатлилась стулом, который был назван «Воспоминание о ногах Мэрилин Монро». Наслаждалась полуподпольным художественным салоном, он просто потряс Ариадну после непробиваемого апофеоза соцарта. Казалось, стены рухнут от наплыва гениев. Позже, когда Ариадна побывала и в Париже, и в лондонских галереях и ей было уже с чем сравнивать, она поняла: то, что она, захлёбываясь от счастья, принимала за шедевры, было или скверным подражанием Пикассо с его женщиной-скрипкой; или ремейком пуантилизма в квасном варианте: берёзки, лошадки, стога; или местечковыми перепевами гравюр Дюрера.

Ариадна крутила бессмысленные романы, как ребёнок, воспитанный в строгости и дорвавшийся наконец до мороженого. Участвовала в изощрённых театральных интригах. Выцарапывала актёрскую карьеру. Добилась – в том числе и через постель – ведущих ролей.

Прощай, десять заповедей.

Вся женщина стала неправильная, как барочная жемчужина. Глаза, как разбойничьи варяжские дракары. Длинноватый нос, чуть искривлённый. Зубы, срезанные косо, будто лезвие гильотины, отчего постоянно казалось, что актриса сейчас тебя укусит.

Но всё вместе действовало на зрителя, словно зелье, которым поят жертву жрецы вуду, чтобы превратить человека в зомби. Яркая, легкомысленная и опасная.

Однако на пике популярности, в самом конце восьмидесятых, Ариадна вышла замуж за обеспеченного англичанина.

Триумфальный отъезд из страны. Зависть. Сплетни. Пересуды.

Вернулась актриса в девяностом, и очень тихо.

Она родила ребёнка, а тот оказался умственно отсталым. Англичанину такой наследник был не

нужен. Гражданство Ариадна не меняла, и после развода пришлось ехать в Союз.

И тут же рухнула и страна.

Сбережения сгорели, на них только батон хлеба можно было купить. Сахар, масло, крупа только по талонам, и стоять в очередях приходилось сутками.

Работы не было: киноиндустрия уничтожилась как отрасль. Всенародно любимые актёры умирали в нищете, всеми брошенные. А Ариадну успели уже и забыть.

Люди искусства кто спился, кто уехал на ПМЖ на запад или в Израиль, кто ушёл в монастырь, кто сгорел от внезапных болезней, за лечение которых теперь требовали астрономические суммы, а денег и на хлеб не хватало.

Квартира пустая, голые стены: вещи проданы перед отъездом в Лондон. И на руках тяжелобольной ребёнок, которому нужен постоянный присмотр.

В больницу не кладут. Интернаты закрылись как нерентабельные. Из родственников – только Серафима. И она бы рада была помочь, никогда она человека в беде бы не бросила. А профессорше и самой есть нечего, докторам наук платили копейки, и те по восемь месяцев задерживали.

Аркадий пожелбил даже мешок картошки привезти: этак салон в машине испортишь. Жена Аркадия, которую супруг подбил открыть свой бизнес и натаскивал на жёсткое и потому успешное его ведение, оказалась более благодарной ученицей, чем упрямые сёстры. Она просила бедных родственниц вообще больше никогда не звонить.

Тогда Серафима и Ариадна сдали свои комнаты во вновь переименованном Питере, а жить переехали на дачу.

Кое-как стали сводить концы с концами.

Но ребёнку требовалось хорошее питание, дорогостоящий курс реабилитации, летом доктора рекомендовали вывозить его на Чёрное море. Подрабатывали, чем могли. Распродали уцелевшие ценности деда, но тоже неумело, за копейки.

Когда любящий брат всё же в середине девяностых навестил сестёр, он их не узнал.

Серафима вся покрылась морщинами, съежилась, как высохший кузнечик, а глаза, когда-то вылитые изумрудные города, исполняющие заветные желания, наделяющие умом, добротой и храбростью, а главное, возвращающие к истокам, домой, к самому себе, – глаза стали похожи на гнёт для квашеной капусты.

У Ариадны из тела, как из рваного ватника, ка-

залось, лезло содержимое. В обносках, нескольких зубов нету. Угол рта обвис: результат микроинсульта. И глаза, как комета, несущая смерть и разрушения мирам.

– Теперь вы поняли, что я был прав? Деньги – это главное.

– Да уж, сбылась твоя голубая мечта, – покивала головой Ариадна. – Убогих больше никто не лечит. Подыхают сами по себе. Чувствуешь себя счастливым?

– А вы очень счастливы со своим рухнувшим коммунизмом и верой в рай? Кому вы теперь нужны с вашей светлой душой и талантами, со своей большевистской честностью? Никудышки, ни на что не годные, ни к чему, со своей интеллигентской придурью, не приспособленные! Не на вас страна держится, а на бизнесменах, на деловых людях. Хорохоритесь, а чуть припрёт – сразу к нам за подачками.

Денег всё же немного кинул с барского плеча.

И да – взяли. Ребёнку одежду и обувь купить.

Уходя, сказал:

– Вот что, сеструхи. Сдайте вы вашего дебила в интернат. Я договорился. И живите нормальной жизнью. Ещё не поздно всё поправить. Вы ещё можете выйти замуж и оставить после себя здоровое полноценное потомство.

А так-то что с вами будет в старости? Симка – старая дева. Адка с уродом своим мается.

Если бы все в этом мире были вашими последователями, человечество бы вымерло.

И это и есть ответ на вопрос, какой путь правильный: чтобы нормальная жизнь продолжалась. Чтобы рождались здоровые дети, а у них была крыша над головой и еда на столе. Какой ценой это достигается, не имеет значения.

На этом месте Серафима, как и положено несигибаемому бойцу революции, захлопнула перед носом у брата дверь.

– Симка, – прошептала Ариадна. – А вдруг он прав?

В одном Аркадий не ошибся: в новом мире сёстры ни на что не годились.

Ариадна пробовала на рынке торговать лифчиками, – рэкетеры замучали, разорили

Она было наняла соседку присматривать за сыном и взялась машины из Германии перегонять. В Польше лихие ребята машину отняли, а женщины полгода провалялась с переломами.

Пока сёстры барахтались, Аркадий выполнял свою жизненную программу.

Поднял свой бизнес, бизнес жены, произвёл на свет сына и начал его воспитывать в соответ-

ствии со своей житейской мудростью. Учил в элитной школе. Нанимал репетиторов. И внушал, как «Отче наш»: выживает сильнейший.

Но сын, Аркадий Второй, не оправдал ожиданий отца.

Вроде и красив, как Кэри Грант. И умён: дважды сам поступал в университеты. Но ни одного факультета не окончил, бросил на втором курсе. Начал писать рассказы, понял, что конкуренция колоссальная, а гонорары грошовые, – тоже бросил.

Всё ему быстро надоедало, ни на чём парень не мог надолго сосредоточиться.

Два раза женился. Первая супруга, танцовщица, родила ему сына Артура, бросила мужа, ребёнка оставила на свекровь и свёкра и упорхнула с любовником на Гоа, причём содержание их там приходилось оплачивать Аркадию-старшему.

Младший заглянул в загс снова, с создательницей развивающих креативных игрушек. Новый сын Лев, новый развод.

Второго внука тоже подбросили деду с бабкой. Аркадий-младший попробовал заниматься бизнесом. Прогорел.

Решил разбогатеть за счёт игры. Уволился с работы. Начал перекидываться в покеришко, втянулся. Но проигрывался в прах в ста процентах случаев. Однако поверить в свою невезучесть не мог.

Разлёгся у родителей на диване. Первого числа каждого месяца мать давала ему две тысячи долларов. Младший тут же звонил второй жене. Креативщица допускала его до себя дня на три. За это время Младший спускал всё до копейки в игорном доме. Четвёртого числа жена выставляла Аркадия вон. Он возвращался на родной диван и лежал на нём до начала следующего месяца.

– За что мне это? – картинно воздевал к небу руки отец бездарного игрока.

– Да что тут гадать, – влезла со своим ответом Ариадна. – Хрестоматийный случай. Когда в какой-то семье глава много лет ворует или берёт взятки, обязательно Господь пошлёт такому деятелю в наследники или картёжника, или мотовку, или вообще наркомана. Чтобы несправедные деньги впрок не пошли, а до последнего копыа развеялись по ветру.

– Ты ж сам твердишь: выживает сильнейший, – изложила свою версию и Серафима. – А богатство расслабляет. Поэтому отпрыски богачей теряют хватку в холе и неге. За жизнь надо всё время биться, обдирая ногти. А кому не обязательно это делать, потому что у него от рождения

всё есть, кто в оранжевых условиях растёт, у того ослабевает инстинкт самосохранения, выживаемость теряется.

– Интересно, как ты, с точки зрения религии, объясняешь болезнь своего сына? С ним всё гораздо ужаснее, чем с моим. А ты вроде не воровала.

– Зато я любовников коллекционировала, – ломко усмехнулась Ариадна. – А может, это эхидней моего отца, пытавшего и убивавшего невинных. Или нашего деда, который слишком смело экспериментировал с колдовскими практиками. Вдруг он разбудил силы, которые лучше не трогать.

В конце нулевых у Аркадия-старшего начались проблемы со здоровьем. Работал на износ, много пил, без этого деловые связи трудно поддерживать. И к шестидесяти сердце настолько износилось, что бизнесмен почти прописался в больницах.

В четырнадцатом году только успел достроить собственную гостиницу, как доктора вынесли приговор: необходимо донорское сердце. Назвали и фантастическую стоимость операции.

Деньги все были вложены в дело, свободных не оказалось.

Жена, которую Аркадий натаскивал в бизнесе, которую учил быть безжалостной акулой капитализма, и повела себя как акула: средств на лечение не дала. Друзья-собутельники куда-то все подевались.

Серафима и Ариадна приехали к брату в клинику.

– Мы готовы продать Адкину квартиру и заплатить врачам.

– И умрёте с голоду вместе с дебилом вашим? Это уж чересчур, – поёжился Аркадий. – Знаете, когда я был в лагере, – вдруг пустился больной в воспоминания, – заразился туберкулёзом. Горлом кровь шла. Лекари считали, я не жилец. Так уголовники сдали кровь, чтобы мне её перелили. Урки – и те человечность проявили. А мои собственные жена и друзья...

Помолчал.

– Мне иногда так страшно становится. А потом думаю: «Чего я боюсь?» Я же иду к Отцу моему небесному. Он же простит своего непутёвого сына...

Повернулся к стене и умер.

И тут выяснилось, что жизнь всё-таки продолжается.

Но неожиданным образом.

Оказалось, последние пятнадцать лет Аркадий

имел вторую, гражданскую жену, свою бывшую секретаршу, от которой у него была дочь восьми лет, Вероника.

А весь свой бизнес брат завещал Серафиме с условием заботиться о Веронике и внуках.

Законная вдова, узнав о шалостях мужа на стороне, а главное, о потерянном состоянии, взорвалась.

– Я никогда эту сволочь не любила, муж мне нужен был только для статуса! – прокричала бизнесвумен в кабинете нотариуса.

И развернула целую военную кампанию против наследницы. Вдова терроризировала Серафиму телефонными звонками по ночам, как заправский коллектор, требуя вернуть гостиницу. Исписала все заборы вокруг дачи сестёр ругательствами и обвинениями в воровстве. Обещала, что заплатит ведьме за смерть Серафимы с помощью куклы вуду. Грозила, что закажет незаконного ублюдка, Веронику, бандитам, чтобы ребёнка убили. По приказу вдовы облили бензином и подожгли веранду дачи, где обитали сёстры.

С трудом отстояли дом.

Наконец опричники бизнесвумен подкинули под дверь Серафиме гниющий гроб с телом её покойного брата, которого честная вдова приказала выбросить из могилы.

Гражданская жена Аркадия, бывшая секретарша, тем временем упорно нигде не работала и регулярно тянула с Серафимы на ребёнка деньги, которые тратила в СПА-салонах и бутиках.

Но тут и наследница «заводов, газет, пароходов» сделала свой ход.

Шестидесятилетняя дама впервые собралась замуж.

– Симочка, – пыталась образумить её Ариадна, – тебя не настораживает, что этот жених появился только теперь, когда ты разбогатела? Может, поживёте в гражданском браке, присмотритесь друг к другу? Или брачный контракт составь.

– Я не знаю, сколько мне осталось жить. Моя мать умерла рано. Брат тоже. Что у меня впереди? Несколько лет? Месяцев? Дней? Может быть, уже завтра меня пристрелит любящая невестка, – возразила Серафима. – Я устала мотаться по судам, где вдова поливает меня грязью. Устала содержать бывшую секретаршу. Она молодая и здоровая, на ней воду возить можно. А я больная бабка на пенсии. Кто у кого должен на шее висеть? Теперь ещё и племянник, ни разу не звонивший сюда, разыскал меня и тоже кланчит деньги.

Всю жизнь я жертвовала собой ради других.

Могу я хоть чуть-чуть пожить для себя?

Я же всё-всё упустила. Надо наверстывать.

Расписалась и умчалась с мужем в Испанию.

Ариадна устроилась при ближайшей школе уборщицей, дворником и ночным сторожем.

– Конечно, идеи Аркадия про то, что выживает сильнейший, жизнь разбила наголову. Это хорошо, пока ты молод и силён. А когда стареешь и заболеваешь, сразу поминаешь милосердие и Отца небесного.

Но жизнь и нас, меня и сестру, с нашими правильными христианскими убеждениями и моральным кодексом строителя коммунизма, размазала по стенке, – исповедовалась Ариадна по ночам пробитому глобусу и школьному скелету, которому сунули чинарик в зубы.

– Я не знаю уже, что правильно, а что нет.

Совесьь никого не спасает и никуда не ведёт. Совестьливые люди самые невезучие, нищие, никому не нужные. Сплошная антиреклама порядочности и доброты. Ходячий антипример.

Ариадна, призванная выводить из лабиринта, заблудилась сама.

Я не знаю, как жить.

...А странный дом-химера, смахивающий на жертву генетических экспериментов, совсем обветшал. Постройка, похожая на дырявую гармонь, криво и до упора растянутую пьяным музыкантом. Окна, зашитые ржавым железом. Забор, уходящий косо в землю, как крыло разбившегося

бомбардировщика. Башня, съехавшая набок поруче пизанской. Обугленные обломки веранды.

В этом доме молчаливый тяжелобольной сын Ариадны, Радомир, рисовал картины.

Огородное пугало кормит птиц с руки, вместо того, чтобы их разгонять. Человек летит, размахивая костылями, как крыльями. В промзоне призраки дам в кринолинах и кавалеров в камзолах и пудренных париках танцуют менуэт. Снежная королева греет руки у костра, и ей нужно тепло, даже ценой жизни, ведь ледяная женщина от него погибает. У юноши вместо головы пустая клетка.

В голой пустой степи стоит телефонная будка. Все провода в ней оборваны. Внутри человек разговаривает с Богом, который так же одинок у себя на облаке. И оба счастливы, потому что нашёл собеседник...

Влада ЛАДНАЯ

окончила филфак МОПИ им. Н. К. Крупской.

Член Союза писателей России.

Автор книг «Раёк», «Вертеп», «Хозяйка», «Крылатый Острог»,

«Небошественник» (Германия), «Жизнепись», «Питермир».

Публиковалась в журналах «Байкал», «Уральский следопыт»,

«Южная звезда», «Дальний Восток», «Эдита» (Германия) и других.

Награждена медалью М. Ю. Лермонтова,

медалью «За верное служение отечественной литературе»,

медалью И.А. Бунина.

Лауреат и дипломант множества

российских и иностранных литературных премий и конкурсов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

